

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ *

Б. Ф. Поршнев

Понятия «Западная Европа» и «Восточная Европа» относятся преимущественно к области географической науки. Что касается истории, то представление о какой-то вечной противоположности, всегда разделявшей Западную и Восточную Европу, только вредит познанию действительности. Разрыв между ними существует лишь в сознании историков и выражает скорее ограниченность кругозора и традиционную специализацию исследователей, нередко также предвзятые концепции, но, во всяком случае, не историческую реальность.

Оставим в стороне средние века. По крайней мере с последних десятилетий XV в., после образования Османской империи и освобождения России от монгольского ига, оба эти государства оказывали могучее воздействие на исторические судьбы Центральной и в известной мере Западной Европы. Система европейских государств перестраивалась в связи с этим. Если начиная уже с XVI в. воздействие Османской империи постепенно ослабевало, то воздействие России, напротив, все более возрастало на протяжении дальнейшей истории. Рассматривать историю Европы XVI—XVIII вв. (не говоря о дальнейшем) вне взаимосвязи Востока и Запада совершенно ненаучно.

Но именно потому, что в традициях исторической науки между ними образовался разрыв, ныне еще возможны настоящие открытия в области изучения этих взаимосвязей.

Проблема взаимосвязей Западной и Восточной Европы имеет три основных аспекта.

Прежде всего это вопрос об экономических связях, то есть о торговле. Историкам сейчас хорошо известен переворот в мировых торговых связях, в ценах, а вслед за тем и в многообразных явлениях экономической жизни, последовавший за открытием атлантических морских путей в Америку, Африку и Азию, переворот, основой которого была разница между уровнями экономического развития Западной Европы и внеевропейских народов, кристаллизовавшаяся в баснословных доходах европейских искателей наживы. Но гораздо менее изучены удачные и неудачные попытки конкурирующих искателей наживы добиться того же или еще большего через Северный Ледовитый океан, через балтийско-речной путь, ведший еще в средние века «из варяг в греки», через волжско-каспийский путь в Персию. Усилия и путешествественников, и купцов, и политиков в XVI—XVII вв. были направлены на то, чтобы пробить свободную водную дорогу в страны Востока через Россию. Если бы это удалось, наверно, последовал бы другой, еще больший переворот в ценах и экономической жизни Западной Европы. Но это не удалось. Торговая экспансия Запада не проникла дальше Балтики. Однако и торговля через Балтику по речным путям с континентальными странами Во-

* Доклад на XI Международном конгрессе исторических наук.

точной Европы явилась источником высоких прибылей. Балтийская торговля заняла второе место после атлантической. Она стала поводом жесточенной борьбы политических сил за монополию, за *dominium maris Baltici*. Она оказала глубокое косвенное воздействие на экономическое развитие всех стран Восточной Европы, в частности аграрное, причем историкам следовало бы обратить главное внимание не на количество вывозимых оттуда на Запад сельскохозяйственных продуктов (оно не было велико), а как раз на высокую норму той прибыли, которую получали и делили между собой купцы-посредники и местные помещики-крепостники.

Вторым аспектом проблемы взаимосвязи Западной и Восточной Европы является вопрос об их осведомленности друг о друге и взаимном культурном влиянии. Познания европейских авторов XVI—XVII вв. в области политической географии были вообще несовершенны. Они часто распространяли путаные, нелепые сведения даже о близлежащих странах. Но государственные архивы в общем показывают гораздо большую осведомленность правящих кругов о политике и положении других, в том числе и отдаленных европейских государств, чем это традиционно полагают историки. Конечно, никакие параллели с характером современной международной информации недопустимы, масштабы должны быть взяты принципиально иные, но все же в XVI—XVII вв. Московское государство или Польско-Литовское государство вовсе не были, скажем, для Англии, Испании и Франции какими-то неведомыми экзотическими землями, даже если западные писатели и картографы применяли к ним фантастические наименования «Скифия» или «Великая Татария». Не было и в Москве или Варшаве никакого «наивного неведения» о Западе, о котором подчас говорят историки. Однако не менее важно и то, что сама искаженная, ложная информация друг о друге между разными странами, в том числе между Западной и Восточной Европой, была не просто плодом недостаточной осведомленности, но и дезинформацией, то есть выражением определенных исторических отношений. Недостаток точной информации в ту эпоху служил лишь фактором, особенно облегчавшим дезинформацию. Так, книга Маржере о России, изданная во Франции по повелению Генриха IV и распространившая в публике множество неверных представлений о Московском государстве, отвечала тем самым известным политическим и церковным интересам. Шире говоря, само относительное культурное разобщение между Западной и Восточной Европой, связанное, между прочим, и с церковным расколом, являлось не вакуумом, но взаимным отношением, и поэтому содержание его требует новых и новых исследований историков.

Третий аспект — это политические отношения Западной и Восточной Европы. Вопрос этот касается прежде всего истории дипломатических отношений и войн. Но он далеко не сводится к ним. Может быть, к числу наиболее трудных, но и наиболее интересных тем исторической науки должны быть отнесены те общественные взаимосвязи и отношения, о которых сами современники ничего не знали, которые вовсе не преломлялись сквозь призму сознания людей. Допустим, что в Англии XVI или XVII в. ничего не слышали бы о России и обратно. Разве это исключает, что их исторические судьбы были все-таки взаимосвязаны? Ведь они являлись членами единой системы государств. Понятие «система государств» (*Staatensystem*) уже довольно давно стало употребляться историками¹. Научный потенциал этого понятия очень велик. Речь идет, очевидно, не только о сети дипломатических связей, не только о блоках и союзах нескольких государств. Каждое государ-

¹ Отметим, что В. И. Ленин пользовался этим понятием (см. В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 219).

ство непосредственно было связано в историческом прошлом лишь с частью существовавших государств, те — с другими, другие — с третьими. Только их совокупность образовывала систему, а следовательно, каждое государство состояло с частью других лишь в косвенных отношениях, объективно существовавших, но субъективно далеко не полностью сознаваемых или вовсе не признаваемых политическими деятелями.

Если под этим углом зрения взглянуть на развитие политических отношений Западной и Восточной Европы в XVI и XVII вв., то можно увидеть некоторые черты системы государств, которые трудно было бы обнаружить в тех или иных отдельных дипломатических документах.

Великие сдвиги в отношениях Восточной Европы с государствами и племенами Азии, совершившиеся во второй половине XV в., поставили Западную Европу перед лицом Османской империи, возникшей на месте «второго Рима» — Византийской, или Восточной Римской, империи, — и перед лицом Московского государства, претендовавшего теперь на роль «третьего Рима», преемника окончательно павшей римской державы. И тотчас Запад ответил возобновлением давно отброшенных попыток возродить «первый Рим»: сплотить все страны Западной Европы в единую «универсальную», «всехристианскую», «священную» Римскую империю. Ядром ее должна была стать габсбургская Австрия как непосредственный противовес Османской Турции. Габсбурги должны были стать всеевропейскими всекатолическими императорами. При Максимилиане I были сделаны существенные шаги к реализации этого плана, начавшего при Карле V уже облекаться плотью, превращаться в грозную реальность. Но этот план слишком противоречил всему предшествовавшему политическому развитию Западной Европы, так же как и всему экономическому и социальному прогрессу, связанному с зарождением капитализма. На пути его стало подстегнутое этой угрозой оформление ряда национально-абсолютистских государств, затем — мощное противодействие в виде взрыва Реформации, расколовшей Западную Европу на непримиримые лагеря. Отныне борьба Реформации и Контрреформации и тесно связанная с ней «габсбургская проблема» стали на долгий срок основным содержанием политической истории Западной Европы. Тридцатилетняя война явилась кульминационным и завершающим актом этой эпопеи, вылившимся в форму войны уже не местной, не локальной, но в известном смысле всеевропейской — первой всеевропейской войны.

Противники Австрийского дома, вернее, политики объединения Европы в единой габсбургско-католической империи, естественно, не упускали возможностей контактировать с Османской империей и ее вассальными княжествами в Юго-Восточной Европе. По мере уменьшения турецкой угрозы политическая система в Европе в ходе XVI в. видоизменялась. Сама Османская империя мало-помалу стала всего лишь звеном своеобразного трехчленного барьера, охватившего «Священную Римскую империю» с востока, юго-востока и северо-востока. Позже, в XVIII в., его называли «восточным барьером». Он состоял из Османской империи, Польского, или вернее (со времени Люблинской унии) Польско-Литовского, государства (Речи Посполитой) и Шведского королевства, стремительно разросшегося и усилившегося к началу XVII века. В глазах одних политических сил этот барьер был обращен преимущественно против Центральной Европы, где находился очаг агрессии, опасный для всех. Для других, прежде всего для самой габсбургской державы, это был барьер, отделявший остальную Европу от крепнувшей России. И в самом деле, «восточный барьер» (если воспользоваться и для кануна Тридцатилетней войны этим позднейшим термином) мог выполнять такую двойную роль. Между составлявшими его тремя государствами: Турцией, Польско-Литовским государством и

Швецией — неизменно существовали и то и дело с большой остротой про-
ывались противоречия.

Россия, в свою очередь, находилась в глубоких противоречиях со
земли тремя членами «восточного барьера», и ее усиление не могло не
ызывать их противодействия². Османская империя и ее вассалы, в пер-
ую очередь Крымское ханство, лишили Русское государство традицион-
ых выходов в Черное море. Швеция по Столбовскому миру 1617 г. от-
яла у Русского государства выходы в Балтийское море. Россия тем са-
ым осталась без водных, то есть непосредственных, связей с европей-
кими государствами, если не считать остававшегося открытым, но труд-
ого пути через Белое море, вокруг Скандинавии. Все три члена «восточ-
ого барьера» владели теми или иными территориями, исторически тяго-
евшими к России или прежде принадлежавшими ей; включали русское
или этнически связанное с народами Московского государства населе-
ние. Во всех трех государствах «барьера» часть населения исповедова-
ла православие и видела в Московском государстве защитника своих
конфессиональных интересов. Понятно, что Московское государство ока-
ывало возраставшее и все более опасное давление на «восточный
барьер» — то на весь в целом, то на отдельных его членов, блокируясь с
другими и используя трещины между ними.

Надо оговориться, что речь тут идет совсем не о том, чтобы оправ-
дывать внешнюю политику Московского государства или осуждать ее.
Советским историкам чужда идеализация внешней политики самодер-
жавно-крепостнической России или отрицание ее агрессивного характе-
ра в известные периоды. Между внешней политикой дореволюционной
России и СССР они видят не преемственность, а противоположность.
Но в данном случае, говоря о внешней политике Московского государ-
ства в конце XVI — начале XVII в., мы вправе сказать, что она не была
агрессией, а являлась борьбой за возвращение земель, утраченных в
эпоху исторического ослабления Руси под монгольским игом.

Как ни остры были противоречия Московского государства с флан-
гами «восточного барьера» — с мусульманской Турцией и протестант-
ской Швецией, как ни велика была напряженность его отношений с
ними, как ни катастрофичны бывали конфликты, до второй половины
XVIII в. на первом плане стояли все же противоречия с центральным
членом «барьера» — с Польско-Литовским государством. Оно включало
в свои пределы огромные массивы русских (белорусских, украинских)
земель и русского населения. Воссоединение этих земель и народов с
Россией, хотя бы неполное, было первоочередной исторической зада-
чей, первым условием возможности дальнейшей борьбы с фланговыми
державами «барьера» за Прибалтику и Причерноморье. И, в свою оче-
редь, именно Польско-Литовское государство из всех трех в наибольшей
степени было воинственно в отношении России. Как государство по пре-
имуществу католическое, оно в наименьшей степени было враждебно
Австрийскому дому и его планам мирового господства, в наибольшей
степени готово было к союзу с ним, особенно со времени царствования
Сигизмунда III Ваза.

Многие исследователи склонны смотреть на Польско-Литовское го-
сударство XVI—XVII вв. сквозь исторические очки: из-за полного ослаб-
ления и распада этого государства в XVIII в. они считают его незначи-
тельной политической величиной и прежде, в частности накануне и во
время Тридцатилетней войны. Между тем современники не без основа-
ния называли Сигизмунда III «северным Филиппом», то есть сопостав-
ляли его с самым могущественным и самым агрессивным государем Ев-

² См. Б. Ф. Поршнев. К вопросу о месте России в системе европейских госу-
дарств в XV—XVIII вв. «Ученые записки» Академии общественных наук при ЦК КПСС.
Вып. II, 1948.

ропы конца XVI в.— испанским королем Филиппом II Габсбургом. Эти сравнения подразумевали как бы возможность полюбовного раздела христианского мира между двумя величайшими католическими домами (впрочем, уже породнившимися между собой). Во всяком случае, Польско-Литовское государство являлось могучим и влиятельным звеном европейской системы государств. Лишь национально-освободительная война украинского народа под руководством Хмельницкого в 1648—1654 гг. и воссоединение Украины с Россией в результате последовавшей за тем русско-польской войны нанесли первый тяжелый удар этой сильной, хотя и полной внутренних противоречий многонациональной державе. С этого времени «восточный барьер» поддерживался преимущественно флангами. А в XVIII в., после того, как значительно усилившаяся Россия нанесла ряд ударов по обоим флангам, Польско-Литовское государство рухнуло, подверглось разделам, и вместе с тем прорванный «восточный барьер» навсегда перестал существовать.

Внешняя политика Московского государства в первой половине XVII в. в значительной степени определялась именно его противоречиями с Польско-Литовским государством. Западная и Центральная Европа интересовала его преимущественно как нечто лежащее «по ту сторону» Польско-Литовского государства. Там московское правительство то более смутно, то более ясно усматривало союзников этого государства, в частности в лице германского императора, испанского короля, римского папы. Англия, Франция, Голландия интересовали его как потенциальные противники этих союзников его главного врага. В Московском государстве, конечно, относительно немного знали об этих далеких странах (хотя, правда, все-таки кое-что знали), дипломатические сношения с ними были малоразвитыми, но объективно тем самым, помимо чьего-либо ясного понимания, при плохой осведомленности друг о друге, они находились в определенных политических отношениях, ибо занимали определенные места в европейской системе государств при всей ее подвижности и неустойчивости. И, в свою очередь, в странах Западной и Центральной Европы видели в Московском государстве преимущественно нечто лежащее «по ту сторону» Польско-Литовского государства. Им интересовались как силой, оказывавшей политическое давление на Польско-Литовское государство с востока, или как возможным объектом политических притязаний и экспансии Польско-Литовского государства. Последнее, в частности, не могло оказать всей ожидаемой от него поддержки габсбургско-католическим планам «похищения Европы» до тех пор и постольку, доколе и поскольку возрастающая сила Московского государства давила на него с востока. Напротив, Польско-Литовское государство само нуждалось в помощи и поддержке Габсбургов, в известной мере отвлекая этим их политические силы от западноевропейских проблем.

Глубокий социально-экономический кризис в Московском государстве, приведший к крестьянской войне, которая охватила почти всю страну, и острой политической борьбе («Смутное время»), был использован для попытки стереть вообще «третий Рим» с политической карты. Интервенция Польско-Литовского государства в охваченную пламенем социальной борьбы Россию пользовалась негласной поддержкой Габсбургов. К ней присоединилась интервенция Швеции. Только одна Турция из стран «барьера», связанная в то время другими заботами, не принимала прямого участия в этой попытке раздела и покорения России. Попытка эта кончилась провалом, но все же Столбовский мир с Швецией 1617 г. и Деулинское перемирие с Польско-Литовским государством 1618 г. зафиксировали крупные потери России и ее явное политическое ослабление. И именно тогда же, в 1617 и 1618 гг., габсбургский императорский двор в Германии, руководимый орденом иезуитов, бросил давно вынашиваемый вызов Реформации и национальной незави-

симости не только в Чехии (Чехия была лишь пробным шаром), а во всей германской империи и во всей Европе. Момент казался выбранным удачно. Все противники были в это время парализованы. И все-таки победа ускользнула, как призрак. То было началом Тридцатилетней войны.

В основе неудачи лежала потеря темпа. Мужественное сопротивление Чехии дало недостающее время для активизации некоторых противников Габсбургов, в том числе Нидерландов³. Несмотря на Белую Гору, в 1621 г. обстановка была уже не той, как в 1618 году. В частности, возобновилась война Нидерландов с Испанией — затянувшийся эпилог нидерландской буржуазной революции и войны за независимость. Гораздо быстрее, чем можно было ожидать, оправлялось и восстанавливало свои силы Московское государство. В 1621 г. Земский собор в Москве постановил готовиться к войне с Польско-Литовским государством, за возвращение отторгнутых по Деулинскому перемирию западно-русских земель: Смоленщины, Северщины. Уже тогда возник план осуществить эту войну силами не одного Московского государства, но в союзе с обоими фланговыми государствами «восточного барьера» — Швецией и Турцией, воспользовавшись их противоречиями с Польско-Литовским государством. Переговоры о совместном выступлении начались и развивались успешно. Но в тот момент Московское государство оказалось еще не подготовленным к активным действиям, и из всего замысла непосредственно осуществилась лишь короткая вспышка: турецко-польская Хотинская война 1621—1622 годов. Однако начало включения Московского государства в европейскую политическую борьбу с габсбургско-католическим лагерем было положено. Дипломатические отношения с Империей были прерваны с 1616 до 1654 года. В «датский период» Тридцатилетней войны московское правительство стало применять (сначала неуверенно) особый доступный ему способ субсидирования антигабсбургских государств: оно разрешало им, и только им, в особенности же правительству Дании, закупку зерна по дешевым ценам, стоявшим на русском внутреннем рынке, для вывоза его через Белое море и перепродажи на Западе со значительной прибылью.

Но полностью весь этот политический курс Московского государства созрел и развернулся только в конце 20-х — начале 30-х годов XVII в., то есть в конце «датского» и начале «шведского» периодов Тридцатилетней войны.

Некогда польский историк Чермак с сожалением писал, что Польша была единственным европейским государством, не принимавшим никакого участия в Тридцатилетней войне⁴. Это мнение в дальнейшем было опровергнуто бесчисленными фактами, показывающими тесную политическую и даже военную взаимопомощь между Польско-Литовским государством и имперским правительством в различные моменты Тридцатилетней войны. Причем все это служило в конечном счете не на пользу, а во вред коренным интересам польского народа: исторически прогрессивной могла быть только обратная политика — борьба за возвращение некогда отошедших к Габсбургам исконных польских земель на западе, в частности Силезии, путем отказа от захваченных польскими и литовскими магнатами русских, украинских и белорусских территорий в восточной и южной Польше и союза Польши с Россией.

³ В задачу настоящего доклада не входит перечисление все возрастающей литературы по истории международных отношений эпохи Тридцатилетней войны. Но все же из новейших работ нельзя не отметить первоклассного исследования чешского историка: Josef Polišenský. Nizozemská politika a Bílá Hora. Praha 1958.

⁴ W. Czermak. Polska wobec wyniku wojny 30-letniej. Studya historyczne. Kraków. 1901.

Зато гораздо бесспорнее представлялось историкам мнение, что Россия в самом деле не имела ни малейшего отношения к истории Тридцатилетней войны. Взгляд этот казался совершенно неоспоримым и очевидным. Правда, разрозненные факты, говорящие как будто об обратном, констатировались прежде как шведскими (Кронхольм, Вейле), так и русскими историками (Бантыш-Каменский, Соловьев, Форстен). Но это было далеко от опровержения общепринятого взгляда в целом. Вот почему противоположный тезис — о том, что внешняя политика Московского государства существенно повлияла на международные отношения в разгар Тридцатилетней войны, особенно в «шведский» период, был на первых порах встречен как парадокс. Интересно, что тезис этот был выдвинут почти одновременно во время второй мировой войны Давидом Норрманом в Швеции⁵, обратившимся к изучению шведских архивных источников, и автором этих строк в СССР, основывавшимся на русских архивных материалах. Наши исследования далеко нельзя назвать совпадающими по выводам и материалам, между прочим, потому, что Д. Норрман не привлек не только русские неопубликованные документы, но и опубликованные на русском языке, к тому же ограничив свое исследование довольно узкими хронологическими рамками — 1630—1632 годами. Во всяком случае, с указанного момента начался штурм историками, преимущественно историками СССР, этой интереснейшей открывшейся проблемы: Россия и Тридцатилетняя война. С 1945 до начала 1947 г. вышло в свет несколько статей автора этих строк по данной теме⁶. В конце 1947 г. появилась брошюра О. Л. Вайнштейна⁷, сделавшего первую попытку изложить в целом уже привлекавшую широкое внимание проблему; к сожалению, автор совсем не изучал источников, имеющих в архивах СССР. В дальнейшем к исследованию этой увлекательной темы присоединились и некоторые другие советские историки. Из зарубежных авторов ей посвятил в 1953 г. несколько страниц в своем докладе на съезде немецких историков известный западногерманский ученый Георг фон Раух⁸, не проявивший, однако, полного знакомства с русской и шведской литературой вопроса. Что касается автора этих строк, то он продолжал в дальнейшем публикацию серии своих статей по истории международных отношений эпохи Тридцатилетней войны⁹, а также выступил с обобщениями основных итогов всего исследования в Финляндии в 1956 г.¹⁰ и вскоре в Австрии, на четвертом съезде австрийских историков¹¹.

Основной архивный фонд, на который опираются эти исследования, — это архив Посольского приказа (тогдашнего департамента иностранных дел), хранящийся в Москве, в Центральном государственном

⁵ David Norrman. Gustaw Adolfs politik mot Ryssland och Polen under Tyska kriget (1630—1632). Uppsala. 1943.

⁶ Б. Ф. Поршнев. Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну. «Исторический журнал», 1945, № 3; его же. Русские субсидии Швеции во время Тридцатилетней войны. «Известия Академии наук СССР, серия истории и философии», 1945, № 5; его же. Густав-Адольф и подготовка Смоленской войны. «Вопросы истории», 1947, № 1.

⁷ О. Л. Вайнштейн. Россия и Тридцатилетняя война. М. 1947.

⁸ G. von Rauch. Moskau und die europäischen Mächte des 17. Jahrhunderts. «Historische Zeitschrift», August 1954. Bd. 178, H. 1, S. 30—32.

⁹ См., например, Б. Ф. Поршнев. Борьба вокруг шведско-русского союза в 1631—1632 гг. «Скандинавский сборник». Т. 1. Таллин, 1956. Другие статьи автора будут указаны ниже.

¹⁰ B. F. Porshnew. Neuvostoliton historijoitsiyain tutkimukset Venäjän ösündesta kolmikymmenvuotisen sotaan. (Die Forschungen der Historiker Sowjetrusslands über die Anteil Russlands am Dreissigjährigen Krieg). «Historiallinen Aikakauskirja», 1956, № 1.

¹¹ B. Porschnew. Über die Rolle Russlands im Dreissigjährigen Krieg. «Bericht über den vierten österreichischen Historikertag in Klagenfurt, 17—21 September 1956». Wien. 1957.

архиве древних актов (ЦГАДА). Вся переписка русского Посольского приказа с иностранными державами, как и материалы о деятельности иностранных послов и резидентов в Москве и русских посольств, которых отправляли за границу, применительно к интересующему нас времени сохранилась почти в целости. В подавляющей части документы эти еще не опубликованы и очень мало изучены. Это поистине гигантский фонд источников, изучение которого потребовало долгого ряда лет. Все «столбцы» и «книги» Посольского приказа расклассифицированы по странам. Главное значение для нашей темы имеет весьма обширный по количеству материала раздел «Сношения с Швецией», а именно за 1620—1640-е годы. Важны также собрания документов о сношениях с Турцией, Крымом, Францией, Англией, Голландией, Польшей, Данией, Семиградьем и другими странами, а также с греческими православными церквями. Кроме русских документов, для исследования указанной проблемы важнейшее значение имеют документы шведских государственных архивов, в известной части опубликованные или же цитированные в трудах упомянутых выше авторов. Существенное значение имеют также документы, хранящиеся во французских, австрийских и других архивах.

В 1619 г. из польского плена возвратился в Москву и стал фактическим главою Московского государства отец первого Романова, царя Михаила Федоровича, патриарх Филарет Никитич. Это была по-своему огромная историческая фигура, хотя остающаяся до сих пор малоизученной. Федор (Филарет) Никитич Романов сыграл крупную роль еще в истории «Смутного времени». Он был ближайшим из оставшихся в живых наследников Ивана Грозного; самым опасным врагом Бориса Годунова; может быть, тайным организатором, несмотря на свое глухое монашеское заточение, появления первого самозванца; неустанным и гибким деятелем «смуты», возведенным вторым самозванцем в сан патриарха всея Руси. Став, наконец, «великим государем», то есть подлинным царем при безропотном Михаиле Федоровиче, патриарх Филарет Никитич успешно боролся с реакционным боярством и может быть отнесен к числу предтеч абсолютизма в России. Из девятилетнего пребывания в Польско-Литовском государстве в качестве заложника Филарет Никитич вынес хорошее знание этого государства и европейской политической ситуации. Главную внешнеполитическую задачу России Филарет Никитич видел в сокрушении Польско-Литовского государства для возвращения русских, украинских и белорусских земель. Он отдавал себе отчет в необходимости сокрушения для этого и союзников Польско-Литовского государства — всего габсбургско-католического лагеря в Европе. Последовательно и настойчиво он устранял из правительственного аппарата Московского государства сторонников обратного, дружественного Польско-Литовскому государству курса, таких, как думный дьяк Иван Грамотин.

Та же главная внешнеполитическая задача диктовала Филарету Никитичу и его окружению необходимость хотя бы временного сближения Московского государства с основными военными и политическими противниками Польско-Литовского государства — Швецией и Турцией, то есть с обоими флангами «барьера», несмотря на все имевшиеся обиды и противоречия. Шведско-польская и турецко-польская борьба занимала в первые десятилетия XVII в. важное место в политической жизни Европы. Активный обмен Московского государства посольствами со Швецией и Турцией (а также вассалом Турции — Крымским ханством) довольно быстро осуществил это сближение в течение 20-х годов XVII века.

Со стороны Швеции главным организатором сближения с Московским государством являлся король Густав-Адольф. Эта сторона его политики в последний период его правления освещена еще недостаточно (преимущественно в указанной работе Д. Норрманна и лишь в малой

мере также Нильсом Анлундом, Иоганном Паулем, Карлом Вейле и в опубликованной шведским генеральным штабом истории войн Густава-Адольфа). Хотя в своей политике сближения с Россией Густав-Адольф опирался на довольно влиятельные шведские военные круги, она не находила полной поддержки со стороны канцлера Акселя Оксеншерна и большинства шведской олигархии. Допустимо предположение, что, может быть, именно эта политика привела в решающий момент к устраниению Густава-Адольфа с исторической сцены.

В Турции Московское государство не нашло таких активных сторонников сближения среди правящих лиц. Роль главного поборника и организатора русско-турецкого военно-политического союза против Польско-Литовского государства выпала на долю вселенского и константинопольского патриарха Кирилла Лукариса. Его большое влияние при султанском дворе поддерживалось также голландским и английским послами, но встречало ожесточенное противодействие противной партии, возглавлявшейся иезуитами и послами католических держав, в первую очередь австрийским и французским (может быть, точнее сказать, не французским, а послом отца Жозефа — графом Сези). Активным поборником идеи военного союза с Московским государством выступил также формальный вассал Османской империи, но фактически почти самостоятельный государь Семиградья Бетлен Габор. Он, в свою очередь, уже находился в тесных союзнических отношениях с Густавом-Адольфом.

Курс Филарета Никитича на всемерное сближение со Швецией и Турцией также вызывал немало противодействия в правящих кругах Московского государства. Так, даже один из его ближайших сподвижников, князь И. Б. Черкасский, ставший после его смерти, с 1633 г., фактическим руководителем русской политики, отнюдь не был безоговорочным сторонником этого курса. Ведь только отказ со стороны России от борьбы в ближайшее время за Прибалтику (и Причерноморье) открывал возможность русско-шведского (и русско-турецкого) сближения против общего врага — Польско-Литовского государства, а в известной мере и против всего габсбургско-католического лагеря. Но Филарет Никитич сумел нейтрализовать эту оппозицию, по крайней мере на некоторое время.

Москва стала в конце 20-х — начале 30-х годов естественным связующим звеном в формировании восточноевропейской коалиции. Густав-Адольф старался обеспечить себе поддержку со стороны Турции, Крыма, Семиградья, запорожского казачества и в сношениях с этими политическими силами Восточной Европы искал содействия Московского государства. Шведские послы ездили через Москву в Турцию и Крым для переговоров о союзе, а турецкие и крымские с той же целью — в Швецию.

1628—1629 годы — рубеж в развитии Тридцатилетней войны. «Датский период», как прежде «чешский», закончился почти полной победой императора и католической реакции внутри Германии. Теперь вся Европа стояла перед угрозой осуществления универсалистских замыслов Габсбургов. Однако Франция и Швеция, которым предстояло в будущем победоносно завершить Тридцатилетнюю войну, в это время еще находились на заднем плане, хотя именно им грозила непосредственная опасность: Франции — удушение в кольце габсбургских владений, которое она при Ришелье дважды пыталась разорвать в Италии, в 1624 и 1628 гг. (войны за Вальтелину и за Мантуанское наследство); Швеции — потеря балтийского господства и восстановление на шведском престоле католика Сигизмунда III руками его родственников и союзников Габсбургов.

Ришелье искал союза с Густавом-Адольфом еще с 1625 г., исходя из мысли, что губительной для Империи была бы только война на два фронта, тиски между двумя армиями. Но тогда этот план сорвался из-

за отказа Густава-Адольфа начать войну в Империи, прежде чем он покончит войну с Польско-Литовским государством за балтийское побережье — за Ливонию и Пруссию. Эта война, давняя, затихшая было в 1622—1624 гг., снова разгорелась в 1625 году. Несмотря на все уговоры, Густав-Адольф оставался непреклонным в своем отказе; в 1626 г. он сообщил английским, голландским и бранденбургским дипломатам, что повернуть оружие против Империи, не окончив войны с Польшей, было бы безумием. Для Ришелье это означало невозможность антигабсбургской политики: силы Дании были исчерпаны, Голландия уже несла бремя войны с Испанией, Англия, раздираемая внутренними противоречиями, от попыток международного умиротворения вскоре перешла к войне с Францией, а затем к состоянию полного внешнеполитического паралича. Ришелье на время отдался прогабсбургской политике отца Жозефа. Но к 1628—1629 гг. угроза национальной независимости Франции стала слишком непосредственной. Выход состоял только в том, чтобы добиться хотя бы временного перемирия между Швецией и Польско-Литовским государством и реальной гарантии того, что за то время, пока шведская армия будет воевать в Германии, польско-литовская армия не нанесет ей неожиданного удара в спину.

Посредничество Франции в заключении в 1629 г. Альтмаркского шестилетнего перемирия между Швецией и Польско-Литовским государством многие историки называют «мастерским ходом» Ришелье¹². Но дипломаты не творят историю. Французская дипломатия всего лишь использовала фактор, от нее не зависевший, но ставший ей известным: в 1628 г. Московское государство тайно сообщило сначала Турции, затем Швеции о своем окончательном решении не дожидаться истечения срока Деулинского перемирия и начать войну с Польско-Литовским государством и его союзниками в ближайшее время вместе с Швецией, Турцией, Семиградьем и при союзнических отношениях с Данией, Голландией и Англией. Франции оставалось только поддержать и использовать это решение. Отправление французским правительством Шарнасе в Варшаву и Стокгольм и Дез де Курменена в Москву (где он добился подтверждения указанных сведений и союзнических отношений), возможно также и негласное соучастие Ришелье в поездке в Москву деятелей французской гугенотской партии Талейрана и Русселя — это составные элементы одного дипломатического акта¹³. Извещенное о надвигающейся войне с Московским государством, правительство Польско-Литовского государства, до того решительно отвергавшее перемирие с Швецией, проявило сговорчивость, уступчивость и поспешность. Вскоре после Альтмаркского перемирия и получения официального заверения московского правительства о предстоящей вскоре русско-польской войне Густав-Адольф высадился со своим войском на одном из островов балтийского побережья Империи. Начался «шведский» период Тридцатилетней войны. Но после первых блестящих успехов в Померании Густав-Адольф неожиданно прекратил наступление. Этот глубокий стратег и политик лучше, чем кто-либо в Швеции, понимал, что если Польско-Литовское государство не будет связано «московской войной», оно двинет свои войска на помощь императору, как и император прежде оказывал ему военную помощь против шведов, в частности в польской Пруссии. И тогда сам Густав-Адольф оказался бы в Германии в смертельных тисках.

Для Швеции военное столкновение с германской Империей диктовалось развитием борьбы за экономическое и политическое господство над Балтикой. Вместе с тем Густав-Адольф, уже «отнявший море», по его

¹² Основное исследование об этом см. M. Cichocki, *Medjacja Francji w rozejmie Altmarskim*. Kraków. 1928.

¹³ Б. Ф. Поршнев. Из истории русско-французских связей в эпоху Тридцатилетней войны. «Французский ежегодник. 1958». М. 1959.

собственным словам, у Московского государства и фактически добившийся того же в ожесточенной войне с Польско-Литовским государством, не только зарился теперь на принадлежавшее Империи померанское побережье Балтики, но и беспокоило оглядывался на Габсбургов, готовых лишить его и всех приобретений и короны; император, по его словам, «метил в самое сердце Шведского государства».

Однако зачем нужно было Московскому государству содействовать шведскому вторжению в Германию? Изучение документов Посольского приказа показывает, что не было сколько-нибудь существенных политических событий в любой из европейских стран, о которых в Москве не были бы получены сообщения через те или иные каналы. Все это тщательно суммировалось и изучалось¹⁴. Документы Посольского приказа показывают также, что буквально все иностранные послы, касавшиеся в Москве польской проблемы, послы Турции, Швеции, Франции, Голландии, сходились в одном тезисе: Польско-Литовское государство сильно помощью, которую ему оказывает Империя; если международная обстановка сложится в Европе так, что Империя не сможет помогать Польско-Литовскому государству, то Польско-Литовское государство будет слабо и может быть побеждено. Отсюда широкая коалиционная точка зрения во внешней политике Филарета Никитича. Когда французский посол Дез де Курменен осторожно коснулся в переговорах в Москве возможного шведско-польского перемирия, его только спросили: «Если польский король со шведским помирятся, государю их (французскому) Людовику то выгодно ли будет, и английскому королю, и датскому, и голландцам то выгодно же ли будет?» Раз да, значит, и Московское государство не возражает против этого перемирия. Оно адресовало Густаву-Адольфу пожелание победы над германским императором.

Более того, Московское государство оказало весьма существенную материальную помощь шведам в их дорогостоящей войне в Германии. В условиях Тридцатилетней войны, как войны наемных армий, военный потенциал противников определялся возможностью мобилизовать максимум денежной наличности. Широко известно, что с 1631 г. Швеция вела войну в Германии в значительной степени на французские субсидии: 400 тыс. рейхсталеров в год, что соответствовало приблизительно $\frac{1}{4}$ всего государственного бюджета Швеции, но лишь $\frac{1}{50}$ государственного бюджета Франции. Московское государство применило отмеченный выше способ предоставления скрытых субсидий: в 1628—1633 гг. оно предоставляло шведскому правительству в отличие от других иностранцев зерно по себестоимости, отказываясь от пошлин и обычной монопольной прибыли (торговля хлебом была царской монополией) и отлично зная к тому же, что зерно будет перепродано на амстердамской бирже по ценам, стремительно возросшим в те годы. Это были именно политические субсидии, а не торговые операции, хотя субсидии и отпускались в товарной форме: шведские послы неизменно указывали, что они спрашивают русское зерно как помощь для ведения войны против «римского (германского) императора», «Австрийского дома», «папезжан» (католической лиги). Шведское правительственное послание 1630 г. к русскому царю разъясняло, что «тою хлебною помощью скрытым образом будет нанесен ущерб и императору и польскому королю»: как только Густав-Адольф развернет войну против императора, это будет обороной и Московского государства, ибо у Польско-Литовского государства, германской Империи и римско-католической церкви ныне общая судьба — общая победа или общая гибель. Московское правитель-

¹⁴ Г. В. Форстен, хотя он специально и не изучал эти архивы, справедливо писал: «Напрасно думают, что в Москве ничего не знали о событиях западноевропейских; напротив, там внимательно следили за великой религиозно-политической борьбой, занимавшей Европу целых 30 лет» (Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях. Т. II. СПб. 1894, стр. 497).

ство с такими же самыми чисто военно-политическими мотивировками давало разрешения на вывоз зерна. Произведенные нами подсчеты размеров этой материальной помощи дали поразительные результаты: в течение 6 лет московское правительство предоставляло шведскому правительству для ведения войны в Германии в среднем ежегодно около 100 тыс. рейхсталеров номинальной субсидии (уступка своих доходов, сравнительно с отпуском другим иностранцам), что составляло приблизительно $\frac{1}{20}$ всего государственного бюджета Московского государства, и около 400 тыс. рейхсталеров реального дохода (от перепродажи зерна в Голландии). Половина этой шестилетней скрытой субсидии, а именно около 1 млн. 200 тыс. рейхсталеров, приходится на 1630 год. Понятно, почему к 1631 г. Густав-Адольф смог развернуть крупные военные силы в Германии.

Одновременно Московское государство вело дипломатическую и военную подготовку к войне с Польско-Литовским государством. Затяжка переговоров с Турцией и Семиградьем о совместном выступлении и формирования русской армии привела к откладыванию начала военных действий вплоть до августа 1632 года. Но Густав-Адольф был в курсе всех приготовлений, и это многое объясняет в его поведении в Германии, приковывавшем напряженное внимание всей Европы.

Он долго оставался на занятом померанском плацдарме, ожидая, действительно ли Польско-Литовское государство окажется скованным военной угрозой с востока. Он помогал русским уполномоченным в вербовке ландскнехтов и найме командного состава, в закупке оружия и амуниции в Германии. Благодаря его рекомендации сын одного из его самых выдающихся военачальников, фельдмаршала Александра Лесли, полковник Александр Лесли-младший был поставлен во главе всех наемных иноземных войск Московского государства. Специальные уполномоченные шведского короля — Антон Молиер, Иоган Мёллер, Жак Руссель — непосредственно связывали его с московским двором и трудились над окончательным оформлением шведско-русского союза.

Для историков Тридцатилетней войны оставалось не вполне ясным, почему Густав-Адольф двинулся в глубь Германии только через год после занятия Померании и почему он еще через год вернулся с армией из юго-западной Германии, где был уже у порога триумфа, назад в северо-восточную Германию, найдя там свой трагический конец. Но загадки «шведского периода» Тридцатилетней войны получают удовлетворительное объяснение, если принять во внимание положение дел в Восточной Европе, и прежде всего историю подготовки и начала так называемой Смоленской войны — войны между Московским и Польско-Литовским государствами 1632—1634 годов.

Единственное, что хоть отчасти описано в исторической литературе, — это вызывающие обычно недоумение и даже порицание претензии Густава-Адольфа на польскую корону в связи с близившейся смертью Сигизмунда III, претензии, которые, по мнению многих, в том числе его канцлера Акселя Оксеншерна, лишь отвлекали его от ведения войны в Германии, сулившей ему, может быть, даже императорскую корону. Общеизвестно, что шансы Густава-Адольфа на добровольное избрание его польско-литовским сеймом, даже при поддержке его кандидатуры диссидентами, были близки к нулю. Но считается, что даже эти ничтожные шансы были сорваны шумной пропагандой его кандидатуры, организованной Жаком Русселем, получившим для этой цели необычайно широкие полномочия от Густава-Адольфа. Однако анализ всей совокупности источников приводит к выводу, что Густав-Адольф и его уполномоченный Жак Руссель преследовали этим путем иную цель: ускорить вступление Московского государства в войну с Польско-Литовским государством. Жак Руссель настойчиво разъяснял в Москве, что польская

корона в конце концов достанется Густаву-Адольфу, но либо путем добровольного его избрания, и тогда Московское государство ничего не выиграет от этого, либо насильственными средствами, если Московское государство вступит в войну, и тогда оно получит свою долю общей победы.

Ту же цель преследовал Жак Руссель и отправкой двух своих доверенных лиц через Москву к запорожским казакам с призывом от имени Густава-Адольфа восстать против Польши. Он старался практически связать казацкое восстание с Москвой и тем самым предпринять вопрос о переходе Запорожской Украины от Польско-Литовского государства к Московскому¹⁵.

Но насколько далеко продвинулось оформление русско-шведского военно-политического союза, оставалось до недавнего времени совсем неизвестным. Теперь на основе архивных документов выяснено, что Густав-Адольф дал обещание не только помочь в организации русской наемной армии, поделившись с ней всем своим первоклассным военно-техническим опытом (что и было выполнено, в том числе русским был передан секрет облегченных пушек), но и двинуть часть своей армии на Польско-Литовское государство с запада, из Силезии или Пруссии, когда русская армия будет наступать с востока. Командование этой будущей операцией с запада было поручено сначала Густаву Горну, затем Александру Лесли-старшему, наконец, Герману Врангелю. Русское правительство взяло на себя обязательство оплатить стоимость этой операции. Была согласована в главных чертах и граница последующего воссоединения с Московским государством русских, украинских и белорусских земель: граница должна была пройти по Западной Двине, Неману, Днепру, с выходом в Черное море. Московское правительство соглашалось за эту помощь содействовать получению Густавом-Адольфом польской короны. Предполагалось, по-видимому, что он взамен уступленных на востоке земель присоединит к Польше Силезию. Обе стороны готовы были дать обещание сохранить между собой самый тесный дружественный союз и на дальнейшие времена.

Заняв померанский плацдарм летом 1630 г., Густав-Адольф вынужден был проявлять в Германии осторожность до сентября 1631 г. не только из-за внутригерманской обстановки, но прежде всего из-за ожидания вестей из Москвы по всем этим сложным вопросам шведско-русского союза. Только в июне 1631 г. к нему прибыли в Штеттин из Москвы Александр Лесли-младший с подробной информацией и русские послы, привезшие Густаву-Адольфу официальное уведомление об объявлении Московским государством войны Сигизмунду III. В этом документе, как и в одновременных посланиях русского царя английскому королю Карлу I, датскому королю Христиану IV, голландскому штатгальтеру Генриху Оранскому и Нидерландским Генеральным Штатам, решение начинать военные действия против Сигизмунда III и его сына Владислава объяснялось намерением последних завоевать Московское государство и ввести в нем католицизм «по умышлению папы римского и по совету императора (германского) и короля испанского». В августе 1631 г. Густав-Адольф получил и переданные через Русселя, Моньера и Мёллера ответы московского правительства о согласии по всем основным пунктам переговоров о союзе. Теперь Густав-Адольф мог не бояться удара со стороны Польско-Литовского государства. В то же время отсрочка выступления русской армии до лета 1632 г. освобождала его на несколько месяцев и от необходимости быть вблизи польской границы для руководства встречным наступлением с запада. Вот почему он смог ринуться в свой головокружительный победоносный

¹⁵ И. П. Крипьякевич. Козаччина в політичних комбінаціях 1620—1630 рр. «Записки наукового товариства імени Шевченка» Т 117—118. Львів, 1914.

рейд в глубь Германии, вступить в единоборство с Тилли и Валленштейном, погрузиться в сложный мир внутригерманских политических отношений и социальных противоречий. Только весной 1632 г. под Нюрнбергом он снова страстно занялся польскими и русскими делами и с возрастающим нетерпением стал стремиться назад в северо-восточную Германию, несмотря на все противодействие Акселя Оксеншерна, не понимавшего в полной мере тревог великого стратега и дипломата и настаивавшего, чтобы он без оглядки шел на Вену. В августе 1632 г. русское правительство двинуло к польско-литовской границе свое войско, развернувшее в сентябре — октябре стремительное наступление и осадившее Смоленск. В октябре 1632 г. Густав-Адольф с армией двинулся на север, предварительно предписав фельдмаршалу Врангелю готовиться к наступлению на Польшу из Пруссии.

Таким образом, взаимосвязь ярчайшего эпизода Тридцатилетней войны — ошеломившего Европу похода «снежного короля» туда и обратно через всю Германию — и русско-польской Смоленской войны в настоящее время может считаться доказанной.

Но русско-шведский союз против Польско-Литовского государства был лишь частью и лишь программой-минимум гораздо дальше идущих планов, вынашивавшихся в то время некоторыми политическими и религиозными деятелями в разных странах.

Напомним, что речь идет о кульминационном моменте борьбы Реформации и Контрреформации, то есть протестантизма и католической реакции в Европе. Политическая борьба еще была облечена в идеологическую форму религиозной борьбы. На протяжении 20-х годов XVII в. чаша весов дважды почти окончательно склонялась к победе католицизма. И поэтому именно в те же годы в антикатолических церковных и политических кругах активно развивались планы сплочения и соединения в единую силу всех не католических церквей. Между лютеранством, кальвинизмом, англиканством существовала глубочайшая рознь. Устранить ее хотя бы ценой далеко идущих уступок в вопросах вероучения и культа — таков был единственный путь к победе над общим противником, по мнению деятелей объединительного движения. Джон Дурри (Dugie, Dougie, Dugäus) и его сподвижники в Германии, архиепископ кентерберийский Аббот со своими друзьями в Англии, голландские арминиане, чешские последователи Амоса Коменского, Густав-Адольф и Аксель Оксеншерн в Швеции, Бетлен Габор в Семиградье и многие другие были поборниками этого движения. Но дело уже не могло сводиться к новому этапу в истории Реформации — соединению реформированных церквей. Идеология движения неминуемо должна была принять экуменистский характер: выступить как идея объединения всех христианских церквей путем совместного сокрушения единственной из них, признаваемой еретической, а именно римско-католической церкви. Иными словами, и логика движения и реальное соотношение сил обязательно требовали включения в это церковное единство и греко-православной церкви.

Со своей стороны, и многие влиятельные руководители греко-православной церкви ходом общественно-политических событий подталкивались к тому же желанию. Православные народы Балканского полуострова, находившиеся под властью Турции, снова и снова готовились к восстанию и борьбе за независимость под религиозными знаменами, под лозунгом свержения мусульманского ига. В частности, такое восстание назревало в первом-втором десятилетиях XVII века. Тогда-то на эту большую потенциальную силу решил опереться французский вельможа герцог Неверский, являвшийся по происхождению последним представителем свергнутой турками византийской династии Палеологов. Восстание должно было восстановить Византийскую империю — «второй Рим». Но, согласно замыслу, Византия должна была воскреснуть уже

как католическая держава. За спиной герцога Неверского стояли отец Жозеф, папство, Испания, Империя, Польско-Литовское государство и другие католические силы. Для крестового похода был создан могущественный католический орден «Христианской милиции». В то же время герцог Неверский находился в сношениях с частью духовенства Греции, Сербии, Албании, Македонии, Болгарии, Герцеговины, Далмации, а также Валахии и Молдавии. Александрийско-константинопольские патриархи Мелетий Пегас и еще более его преемник Кирилл Лукарис понимали, что осуществление этого грандиозного замысла хотя и дало бы желанное освобождение христиан от власти ислама, вместе с тем означало бы ликвидацию всей возглавлявшейся ими греко-православной церкви (за исключением, может быть, русского патриаршества). И единственный противовес этой надвигавшейся унии с католицизмом они усматривали в энергичном и смелом сближении с протестантизмом, в первую очередь с наиболее активной и воинствующей из протестантских церквей — кальвинизмом.

Особенно далеко по этому пути пошел Кирилл Лукарис. Вокруг его имени в исторической и церковной литературе до сих пор кипит борьба мнений. Но является окончательно доказанным, что константинопольский патриарх решился на полное слияние православного и кальвинистского вероучения, несмотря на противодействие немалой части греческого духовенства. В 1629 г. он опубликовал «Confessio» («Исповедание веры»), где включены основные догматы кальвинизма. Кирилл Лукарис находился в теснейших связях с женевскими, голландскими, английскими, немецкими, венгерскими, французскими кальвинистами. Он вступил в сношения и с крупнейшими поборниками объединительного протестантского движения в Европе, в том числе с Густавом-Адольфом, Акселем Оксеншерна, Бетленом Габором. Его ближайшими сподвижниками и в известной мере духовными руководителями в ожесточенной и полной драматизма борьбе были находившиеся в Константинополе голландский посол Корнелий Хага и женевский пастор и богослов Антон Лежер. Папство и орден иезуитов делали все мыслимое для дискредитации Кирилла Лукариса и низложения его с патриаршего престола; последнего им удавалось достигнуть несколько раз путем всяческого давления на двор султана Мурада IV, но Кирилл Лукарис каждый раз победоносно возвращался на свой пост, пока не был убит в 1638 году.

Курс вселенского и константинопольского патриарха на объединение православия и кальвинизма не был вопросом его индивидуальных религиозных убеждений. Этот курс пользовался поддержкой определенной части высшего православного духовенства, в том числе и некоторых других патриархов. Но все же Кириллу Лукарису приходилось действовать с большой осторожностью, нередко втайне, маневрируя, осуществляя реформу скорее де-факто, например, путем замены старых богослужебных книг новыми.

До сих пор оставался совершенно не затронутым исследователями вопрос о том, знал ли русский патриарх Филарет Никитич, занимавший формально второе, а фактически едва ли не первое место среди православных иерархов, о реформе, предпринятой Кириллом Лукарисом, и как он к ней относился. Архивные документы говорят лишь об их самых тесных и частых связях: обмене посланиями по различным частным вопросам, отправлении друг к другу надежных лиц с устными сообщениями, не доверявшимися бумаге. По-видимому, многое из переписки двух патриархов, как и вообще из бумаг Филарета Никитича, было уничтожено сразу после его смерти и в дальнейшем. И все-таки всесторонний анализ церковной и политической деятельности Филарета Никитича заставляет в настоящее время с большим основанием предполагать, что он

был посвящен в замысел Кирилла Лукариса и поддерживал этот замысел, хотя и с большой осторожностью. Неизбежно последовавшие в конце концов разоблачения, может быть, следует связать с его скоропостижной смертью в октябре 1633 года. Благодаря своему исключительно авторитарному положению в русской церкви Филарет Никитич мог попытаться понемногу осуществить этот замысел путем изъятия из употребления части богослужебных книг и распространения в дальнейшем взамен них новых. Он нарушил традиционную неприкосновенность старинных русских церковных книг, широко поставил дело их «исправления», как и печатания новых, полностью изъясл употреблявшийся при его предшественниках «устав». Все это, по-видимому, подготавливало почву для более смелых действий. Совершенно случайно сохранившийся в архиве Посольского приказа отрывок из разоблачений, сообщенных шведским гонцом Вассерманом в марте 1634 г., говорит о том, что патриарх Филарет Никитич заказал Жаку Русселю за крупную сумму организовать перевод на русский язык кальвинистского «служебника», что и было выполнено. По всей вероятности, ко времени Филарета Никитича относится и найденная финским историком Бекманом в архивах Хельсинки рукопись перевода на русский язык кальвинистского голландского катехизиса. Этот компрометирующий покойного патриарха Филарета Никитича документ сохранился среди личных бумаг Артамона Матвеева, активного продолжателя во второй половине XVII в. внешней политики Филарета Никитича¹⁶.

Кроме нескольких иерархов греко-православной церкви, непосредственную связь патриарха всея Руси Филарета Никитича с патриархом вселенским и константинопольским Кириллом Лукарисом осуществлял Жак Руссель. Он пользовался огромным личным доверием и того и другого. Он же осуществлял и связь Филарета Никитича с протестантскими кругами Запада. В дальнейшем он приобрел такое же доверие и Густава-Адольфа. Жак Руссель — интереснейший исторический персонаж¹⁷. Он был французом по происхождению, кальвинистом, братом крупного деятеля кальвинистской церкви, подвизавшегося сначала в Седане, затем в окружении вождя французских гугенотов герцога Рогана. Жак Руссель получил широкое гуманистическое и богословское образование. Прожив несколько лет в Польско-Литовском государстве, Жак Руссель правильно оценил его внутреннее состояние и огромную роль в планах европейской католической реакции. После попытки разъяснить все это кардиналу Ришелье у стен Ла Рошели в 1628 г. Жак Руссель вскоре встретил понимание у герцога Рогана и был направлен последним в Восточную Европу для содействия сплочению всех антикатолических сил. Он побывал при дворах герцога Савойского, герцога Неверского в Мантуе, затем в Венеции, при дворе Бетлена Габора, откуда в качестве официального посла (вместе с другим гугенотом, Шарлем Талейраном) поехал в Константинополь. Там он и выступил уже вполне сложившимся адептом идеи объединения не католических христианских церквей. Но церковно-религиозные планы были в ту эпоху лишь идеологической формой, за которой выступало определенное политическое содержание: план создания обширной антигабсбургской коалиции, преимущественно восточноевропейских сил (Семиградья, Молдавии, Валахии, запорожского казачества, Московского государства, Швеции, а также Венеции и

¹⁶ E. Böckman. Den kalviniska kyrkans trosbekänelse och katekes (Das Glaubensbekenntnis und der Katechismus des kalvinischen Kirche. Eine kirchenslavische Handschrift in der russischen Abteilung der Universität-Bibliothek, Helsinki). «Suomen kirkkohistorialinen seuran vuosikirja (Finska kyrkhistoriska samfundets årsskrift)», XXVI, 1936.

¹⁷ О нем, кроме упомянутых работ И. Крипякевича, М. Сичовки, Д. Норман и автора этого доклада, см. также В. Silfversvan. Eräs polittinen haaveilija 1600—luvulla. «Historiallinen Aikakauskirja», 1934, № 3.

других). Другой заветной целью Жака Русселя было получить разрешение Московского государства на свободную «персидскую торговлю». Из Константинополя Жак Руссель в роли посла Бетлена Габора прибыл в Москву¹⁸, а оттуда ко двору Густава-Адольфа, находившегося уже в Германии, затем в Лифляндию и Москву уже в качестве посла Густава-Адольфа и т. д. Руссель проявил гигантскую политическую активность для осуществления, в частности, ближайшей цели — организации русско-шведского союза против Польско-Литовского государства. Его называли впоследствии главным инициатором Смоленской войны. После смерти своего последнего официального патрона, Густава-Адольфа, Жак Руссель уехал в Голландию, в 1634 г. через Москву вернулся в Константинополь, оттуда — в Венецию (где многие годы находился в изгнании герцог Роган). Вернувшись опять в Константинополь, очевидно, в связи с новым восстановлением и усилением Кирилла Лукариса, Жак Руссель умер там в 1636 году.

Но Смоленская война, возникновению которой Жак Руссель так много содействовал и которая косвенно сделала возможным триумф Густава-Адольфа в Германии, оборвалась скоро и неожиданно. Причин к тому несколько. Аксель Оксеншерн и шведский государственный совет, не проявившие вовремя понимания глубоких замыслов Густава-Адольфа, после его смерти не подписали уже почти полностью согласованного шведско-русского союзного договора, и русское посольство вернулось из Стокгольма в Москву осенью 1633 г. с пустыми руками. Турция, занятая борьбой с Ираном, опоздала с обещанным выступлением против Польско-Литовского государства, а крымские татары тревожили Московское государство набегами с юга¹⁹. Восстание запорожского казачества против польского национального гнета задержалось на несколько лет. Но главной причиной, вынудившей московское правительство подписать в июне 1634 г. Поляновский мир с Польско-Литовским государством (выиграв всего лишь отречение Владислава IV от претензий на русский престол), явилось широкое крестьянско-казацкое восстание в ряде центральных областей России, возникшее в 1633—1634 гг. в связи с усилением экономического гнета и начавшее увлекать за собой беднейшее население самой Москвы. Во главе этого народного движения на первом этапе стоял крестьянин-партизан Иван Балаш, от имени которого оно получило в исторической литературе название «балашовщина». Тень «Смутного времени» снова нависла над русским самодержавием²⁰. Для подавления внутреннего мятежа оно поспешило развязать себе руки от внешней войны. После смерти Филарета Никитича и подписания Поляновского мира в русский правительственный аппарат стали возвращаться сторонники пропольской политики, и Московское государство на многие годы отвернулось от активных действий на западе.

Заключение Поляновского мира 1634 г. имело катастрофическое значение для шведской армии в Германии. Поскольку Владислав IV стал незамедлительно готовиться к возобновлению войны с Швецией в союзе с Данией, Швеции пришлось оттянуть к польской границе часть своих войск, притом значительно большую, чем потребовалось бы для осуществления плана Густава-Адольфа и Филарета Никитича. Недостаток резервов привел к цепи поражений шведской армии в Германии, начавшейся с Нёрдлингена, к распаду Гейльбронского союза немецких князей, потерявших веру в шведскую силу, к неумолимому прибли-

¹⁸ T. Wittman. Bethlen Gábor és az 1628/1629 évi erdélyi-orsz szövetségterv keletkezése. Budapest. 1956.

¹⁹ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М. 1948.

²⁰ Б. Ф. Поршнев. Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны. «История СССР», 1957, № 5.

жению фиаско всего шведского похода в Германию. Положение спас лишь Ришелье: в июне 1635 г. Франция принуждена была вступить в открытую войну с Габсбургами, что дало шведам возможность оказать необходимое давление на Польшо-Литовское государство и добиться от него Стумздорфского мира, после чего шведская армия более десяти лет могла снова вести активную войну в Германии, не опасаясь удара в спину.

Такова сложная цепь взаимосвязанных явлений. Что знал Балаш о Ришелье, а Ришелье о Балаше? Ничего. Между тем «балашовщина», сорвавшая Смоленскую войну, косвенно отразилась на другом конце Европы, ибо заставила Ришелье, отодвинув интересы католической церкви, ринуться в тяжкую битву за спасение национальной независимости Франции.

Но вступление католической Франции в Тридцатилетнюю войну на стороне антигабсбургских сил все же означало существенное изменение характера этой войны: отныне она перестала даже и по форме быть религиозной войной. Религиозная оболочка окончательно отпала, а вместе с нею — все указанные выше планы и замыслы. Большинство действующих лиц описанной драмы сошло со сцены на протяжении всего лишь нескольких лет. «Франко-шведский» период Тридцатилетней войны был уже чисто политическим финалом, когда Франция и Швеция медленно, но неумолимо сжимали и душили агрессивную габсбургскую Империю, а воинственная габсбургская Испания все более приближалась к коллапсу (по выражению Веджвуд) в неравной борьбе с франко-голландскими союзными силами.

В этот период воздействие Восточной Европы, и в частности России, на историю Тридцатилетней войны было уже не столь заметным. Однако роль России как важного фактора европейской системы государств с новой силой проявилась в критические 1644—1645 годы. В это время габсбургско-католическая дипломатия бросила на стол свой последний козырь. Была сделана попытка отвлечь Швецию от войны против германского императора, создав против нее коалицию из Дании, Польшо-Литовского государства и России. Дания выступила первой. Были предприняты огромные усилия для примирения и сближения России с Польшо-Литовским государством, а также для сближения ее с Данией путем династического брака. Однако после некоторых колебаний Московское государство отказалось от предназначавшейся ему роли и осталось верным дружественному Швеции курсу. Это предопределило отказ и Польшо-Литовского государства. Таким образом, и на этот раз позиция Москвы глубоко отозвалась на общеевропейских делах и в немалой мере предопределила трагический для Габсбургов конец Тридцатилетней войны.

Еще раз глубокая связь и единство политической истории Западной и Восточной Европы сказались в самом конце Тридцатилетней войны — во время подготовки и заключения Вестфальского мира 1648 г. и в ее эпилоге, продолжавшемся до 1653 года.

Тридцатилетняя война завершилась не полным, а частичным и abortивным поражением Габсбургов. Это связано с тем, что окончание ее падает на время необычайно широкого раската по всей Европе революционных массовых движений.

Ведь именно с последними годами Тридцатилетней войны совпадает наивысший подъем английской революции под руководством Кромвеля. Во Франции с 1648 г. бушевала Фронда, имевшая на первом этапе характер серьезного революционного движения. В Испании на протяжении 40-х и начала 50-х годов XVII в. ареной народной борьбы («войны жнецов») была Каталония. Португалия была с 1640 г. очагом республиканских заговоров, социального брожения. Значительные политические, если и не социальные бури разыгрывались в Дании, в Голландии.

Широчайшее народное антифеодалное и антииспанское движение развернулось в 1647—1648 гг. в Южной Италии и Сицилии; в Неаполе вслед за Лондоном была провозглашена республика. В 1648 г. восставали крестьяне Австрии, в 1650—1653 гг. — Швеции, в 1653 г. пылала крестьянская война в Швейцарии. В Польско-Литовском государстве в 1648—1651 гг. происходили восстания польских крестьян, в 1648—1654 гг. бушевала национально-освободительная и антифеодалная война украинских крестьян под руководством Хмельницкого. В Московском государстве в 1648 г. прокатилась широкая волна городских восстаний, завершившись в 1650 г. восстаниями в Новгороде и Пскове и крестьянскими движениями в окрестных областях.

Шведский уполномоченный на Вестфальском мирном конгрессе Сальвиус писал в 1648 г. в одном из донесений своему правительству: «Представляется каким-то великим чудом, что во всем мире слышно о восстаниях народа против государей, как-то во Франции, Англии, Германии, Польше, Московии, Турции... Является ли причиной тому некое общее расположение звезд на небе или же что-то вроде всеобщего сговора народов в отношении дурных правителей, — один бог может знать». Это «великое чудо» 1648 и близких к нему годов привлекало огромное внимание современников, но заинтересовало историков лишь недавно (до того каждое из этих движений изучалось изолированно от других). Так, английский историк Мэрримен опубликовал книгу на эту тему²¹. В 1957 г. в Англии состоялась специальная встреча историков разных стран для обсуждения проблемы одновременности и взаимосвязи ряда революционных движений середины XVII века²².

Их одновременность, очевидно, зависела в известной мере от источника финансовых ресурсов всех европейских правительств в связи с Тридцатилетней войной. Их взаимосвязь была более велика, чем прежде предполагалось. Кромвель, как утверждают, находился в переписке с Хмельницким; о восстании украинцев писала пресса Фронды²³. Идеиное воздействие английской революции на классовые битвы во Франции, Германии, Голландии, Швеции было огромным. И, наконец, очень велико было их прямое или косвенное влияние на политику правительств, участвовавших в Вестфальском мире. Вести об английской революции подстегнули Фронду во Франции, а это заставило кардинала Мазарини изо всех сил спешить с подписанием мира и пойти на огромные уступки противникам²⁴. Швеции труднее было побудить к прекращению сулившей новые успехи войны в Германии, но к сговорчивости ее еще в 1646 г. побудили известия о наборе большой армии польско-литовским королем Владиславом IV²⁵. В конце 1648 г. шведское правительство направило тайную инструкцию Карлу-Густаву, кузену королевы Христины, командовавшему шведской армией в Германии: зорко следить за бушующими в Польско-Литовском государстве внутренними раздорами и оттянуть главные силы шведской армии через Силезию и Саксонию на восток, к польской границе, дабы иметь возможность вторгнуться в Поль-

²¹ R. Merriman. Six Contemporaneous Revolutions. Oxford. 1938.

²² Seventeenth Century Revolutions. «Past and Present», april 1958, № 13.

²³ Б. Ф. Поршнева. К характеристике международной обстановки освободительной войны украинского народа 1648—1654 годов. «Вопросы истории», 1954, № 5. Немецкий перевод этой статьи опубликован в «Jahrbuch für Geschichte der deutsch-slavischen Beziehungen und Geschichte Ost- und Mitteleuropas». Halle (Saale). 1956; польский перевод — в «Zagadnienia nauki historycznej. Przekłady», 1954, № 1.

²⁴ Б. Ф. Поршнева. Английская республика, французская Фронда и Вестфальский мир. «Средние века». Т. III, 1951; е го же. Отклики французского общественного мнения на английскую буржуазную революцию. «Средние века». Т. VIII, 1956; е го же. «Вторая Фронда» и английская республика. «Из истории общественных движений и международных отношений». Сборник статей в память акад. Е. В. Тарле. М. 1957.

²⁵ Б. Ф. Поршнева. Швеция и Вестфальский мир «Скандинавский сборник». Т. II. Таллин. 1957.

шу из Германии, если это окажется полезным для Швеции. Восставшие в 1648 г. казаки и украинские крестьяне обратились за помощью к России. Но русское правительство начало войну с Польско-Литовским государством только в 1654 г., и только в 1655 г. Швеция осуществила вторжение в Польшу, уже полностью освободившись к этому времени от забот Тридцатилетней войны.

Итак, мы убедились в тесной взаимосвязи внешней политики государств Восточной Европы и Западной Европы в эпоху Тридцатилетней войны. Но для историка всякое исследование частной, конкретной темы — это то же, что для физика эксперимент. Данная тема заставляет нас вернуться к теоретическому понятию «система государств». Система это или простая сумма государств? Не существует ли общих объективных закономерностей, приложимых ко всякой системе государств?

Сейчас возможно ответить лишь немного.

Во-первых, нам кажется несомненным, что во всей истории всякому без исключения государству, пока его внутренний общественный строй основывался на эксплуатации человека человеком, частной собственности на средства производства, классовом антагонизме, была вместе с тем свойственна и тенденция к внешней экспансии. Тенденция эта обычно парализовалась подобными же тенденциями других государств. Дипломатия была лишь неустанным прощупыванием слабых мест окружения или же опасностей, грозящих данному государству со стороны других. Во-вторых, на этом фоне в каждую эпоху выступал тот или другой основной очаг агрессии. Это и превращало сумму государств в систему (если говорить о «системе государств» в чисто политическом смысле). В эпоху Тридцатилетней войны основным очагом агрессии являлся габсбургско-католический лагерь с его претензиями на всеевропейское господство. Против агрессии всегда сплачивались те или иные силы, образовывался второй центр системы. Между ними находили свое место государства-лимитрофы и государства, претендовавшие на роль «третьего радующегося», против которых, в свою очередь, складывался тот или иной противовес и т. д. Однако если и есть общие и объективные, то есть не зависящие от частной воли, закономерности любой системы государств, то все же история рисует нам картину постоянной изменчивости и смены этих систем. Причиной тому — столь же объективные и неумолимые законы экономического развития, а также различие темпов этого развития у народов в зависимости от конкретных исторических условий. Наконец, накапливавшиеся классовые противоречия подчас взрывались с огромной силой и приводили к глубоким изменениям общественно-политического строя в той или иной стране, что неминуемо меняло ее удельный вес и положение в системе государств, а следовательно, косвенно отражалось и на всей системе.

Таким образом, история международных отношений не может быть отнесена к чисто описательным отраслям исторической науки и противопоставлена, скажем, экономической или социальной истории. В этой отрасли также могут быть достигнуты большие обобщения и получены важные теоретические выводы.